

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4277217>

УДК 82

Поплавская И.А.

Поплавская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный университет. 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Жуковский и Общество любителей российской словесности

Аннотация. В статье предметом изучения становится деятельность Общества любителей российской словесности и участие Жуковского в нем. Опубликованные в трудах Общества произведения поэта сказка «Красный карбункул», идиллия «Овсяный кисель», послание великой княгине Александре Федоровне рассматриваются в контексте других произведений русских авторов 1816–1818 гг. Все сочинения Жуковского, представленные в трудах Общества, рассматриваются как единый текст и отражают этапы его художественной эволюции и эстетики жизнестроительства. Раскрывается история Общества с момента его основания в 1811 г. и его общественная и издательская деятельность в начале XXI века.

Ключевые слова: Общество любителей российской словесности, Московский университет, русская поэзия, Жуковский, сказка, идиллия, стихотворное послание.

Poplavskaya I.A.

Poplavskaya Irina Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University. 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Zhukovsky and Society of Lovers of Russian Literature

Abstract. The article analyses the activities of the Society of Lovers of Russian Literature and Zhukovsky's participation in it. Zhukovsky's fairy tale «Red Carbuncle», the idyll «Oatmeal Kissel», the message to Grand Duchess Alexandra Feodorovna are examined in the context of other works by Russian authors of 1816–1818. All of Zhukovsky's works published in the proceedings of the Society are viewed as a single text; they reflect the stages of his artistic evolution and aesthetics of life-building. The history of the Society since its foundation in 1811 and its social and publishing activities at the beginning of the 21st century is revealed.

Key words: Society of Lovers of Russian Literature, Moscow University, Russian poetry, Zhukovsky, fairy tale, idyll, poetic message.

*Статья написана в рамках проекта РФФИ № 18-012-00113
«В.А. Жуковский в институциональной истории русской литературы»*

В истории отечественной литературы и культуры XIX–XX веков важную роль сыграло Общество любителей российской словесности (ОЛРС). Оно было основано в 1811 г. как

литературно-научное общество при Императорском Московском университете и просуществовало вплоть до 1930 г. В разное время председателями Общества были поэт и философ А.С. Хомяков (1858–1860), ис-

торик М.П. Погодин (1860-1866), поэт и публицист И.С. Аксаков (1872-1834), лингвист и фольклорист Ф.И. Буслаев (1874-1877), литературовед П.Н. Сакулин (1921-1930) и др. В 1992 г. по инициативе Д.С. Лихачева Общество любителей российской словесности было возрождено. Благодаря деятельности секретаря Общества, известного историка книги Р.Н. Клейменовой под грифом ОЛРС были изданы сборники «Пушкин и ОЛРС» (1999), «Гоголь и ОЛРС» (2005), «Иван Бунин и ОЛРС» (2007), «Лев Толстой и ОЛРС» (2008), «И.С. Тургенев и ОЛРС» (2009). Кроме того, особую ценность представляет фундаментальное исследование под названием «Общество любителей российской словесности. 1811-1930» (2004). В настоящее время деятельность Общества представлена на его официальном сайте [14].

Обратимся к первому десятилетию истории Общества и участию В.А. Жуковского в нем. Первоначальный Устав Общества был утверждён министром просвещения России графом А.К. Разумовским 11 июня 1811 г., с этого времени и начинается его официальная история. В период с 1812 по 1821 гг. Обществом было выпущено 20 сборников под названием «Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете». Самым же заметным явлением в культурной жизни России стал изданный в 1863-1866 гг. при поддержке Общества «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Жуковский стал членом ОЛРС в феврале 1816 г. Об этом сохранились сведения в протоколах Общества. На 15 чрезвычайном заседании, состоявшемся 26 февраля 1816 г., поэт был избран в его действительные члены. На этом же заседании в действительные члены Общества были приняты И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, Н.Ф. Остолопов, А.Е. Измайлов, К.Н. Батюшков, П.П. Свиньин, П.А. Вяземский и др. [8, с. 33]. Среди современников поэта членами Общества были также А.С. Пушкин,

Н.В. Гоголь, Е.А. Баратынский, Д.В. Давыдов, А.А. Дельвиг, Ф.И. Тютчев, А.Ф. Воейков и др. Следует отметить, что почетными членами Общества являлись не только светские, но и духовные лица. В их числе митрополит Московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782 – 1867). В письме от 10 мая 1818 г., адресованному председателю Общества, он писал: «Да благословятся ревность соединенных любителей отечественной словесности тем возделанным успехом, чтобы словесность Российская более и более одушевлялась и возвышалась словом истины и жизни и чтобы в цветах ее более и более зарождалось семян отечественных добродетелей» [11, с. 296].

Председателем Общества с момента его основания и до 1826 г. был А.А. Прокопович-Антонский (1762-1848), преподаватель естественной истории, с 1791 г. инспектор Московского университетского Благородного пансиона, в котором с 1797 по 1800 гг. обучался Жуковский. С 1818 по 1826 гг. Прокопович-Антонский был ректором Московского университета. О взаимоотношениях Жуковского и Прокоповича-Антонского свидетельствуют 26 писем поэта к своему пансионскому наставнику и другу, написанных в период с 1814 по 1839 гг.

Первый сборник трудов общества был издан в 1812 г. и состоял из двух частей: «Прозаические сочинения» и «Стихотворения». В первом номере сборника за 1812 г. раздел «Прозаические сочинения» предварялся известной цитатой о русском языке из «Российской грамматики» (1755) М.В. Ломоносова. Ср.: «Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством велик пред всеми в Европе. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» [7, с. VIII].

Обратимся к рассмотрению стихотворных произведений и писем Жуковского,

относящихся к его деятельности в ОЛРС. В трудах Общества поэт опубликовал сказку «Красный карбункул» (1817. Ч. IX), идиллию «Овсяный кисель» (1818. Ч. X), послание «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Александре Федоровне на рождение В. Кн. Александра Николаевича» (1818. Ч. XI). Позднее в «Сборнике Общества любителей российской словесности» на 1891 г. были напечатаны «Законы Дружеского литературного общества», собрания которого проводились в Москве в 1801 г., 8 писем Жуковского к Гоголю и письмо поэта к графу А.П. Толстому. В связи со столетием со дня рождения поэта Общество провело 29 января 1893 г. торжественное заседание, посвященное его памяти, а в год пятидесятилетия со дня смерти Жуковского и Гоголя в 1902 г. состоялось публичное собрание с выставкой портретов, книг и вещей, связанных с именами обоих писателей. Как отмечает в этой связи современная исследовательница, «двойной» юбилей Жуковского – Гоголя позволил увидеть в их лице «два взаимодополняющих типа творчества: художественный в случае Гоголя и жизнестроительный в случае Жуковского. Неслучайно, что другим лейтмотивом юбилейных сборников стала синтезирующая роль Жуковского в литературном процессе и литературном быту XIX в.» [2, с. 69-70].

Сказка Жуковского «Красный карбункул», как известно, является переводом стихотворной повести «Der Karfunkel» («Карбункул») немецкого писателя Иоганна Петера Гебеля (1760-1826). Всего поэт перевел восемь произведений из Гебеля. Из них четыре в 1816 г. («Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тленность»), два – в 1818 г. («Утренняя звезда», «Летний вечер»), еще два – в 1831 г. («Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание»). Все эти переводы можно рассматривать как единый текст Гебеля-Жуковского, отражающий не только этапы освоения русским поэтом наследия немецкого поэта, но и ха-

рактерные моменты его собственной творческой эволюции. Обращение к переводу данного стихотворения Гебеля было во многом связано с двумя эстетическими проблемами: с поэтизацией бытового, обыденного в литературе и использованием для этой цели не героического (гомеровского), а разговорного, сказового гекзаметра [6, с. 402].

Сюжетную основу сказки «Красный карбункул» составляет изображение двух типов семьи – благочестивой, счастливой (дедушка, бабушка, их внуки Луиза, Маргарета, Лотта, Фриц и Энни) и неблагочестивой (Вальтер, Мина). История жизни Вальтера и Мины, о которой рассказывает внукам дедушка, воспринимается как история постепенного нравственного и духовного падения человека. Также эта история может быть прочитана и как сбывающийся наяву страшный сон, увиденный Миной накануне свадьбы, и как трагическая философия судьбы, неотделимая от выбора человека, и как расплата за неспособность его противостоять силам зла. Фольклорно-мифологические основы произведения позволяют говорить об его близости к немецким народным балладам, к поэзии миннезингеров, к распространенному в средневековой литературе жанру шпруха, включающему в себя моральные сентенции и религиозные поучения [6, с. 403]. Не случайно стихотворение оканчивается диалогом бабушки и внучки, в котором ребёнок на метасюжетном уровне раскрывает аллегорический смысл сказки. Ср.:

Тут Луиза промолвила: «Бабушка, кто же боится?»

Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?

Я добралась: Бука есть искушение злое.

Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы

Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?

Мальчик в окошечке... кто он? Верный учитель наш, *совесть*.

О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли» [4, IV, с. 19].

Особенностью данного произведения является обращение к образу вымышленного рассказчика-дедушки, который впервые появляется в этом переводе-переложении Жуковского. В дальнейшем в книге «Баллад и повестей» (1831) поэта он приобретает уже структурный характер и вместе с рассказчиками из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя открывает один из трех путей формирования русского эпоса [12, с. 219].

В нарративной структуре этой сказки представлены два типа слова: слово дедушки-рассказчика и слово повествователя, обрамляющее все произведение. При этом слово дедушки не только рассказывает о судьбе Вальтера и Мины, но и само становится предметом изображения со стороны повествователя, то есть воспринимается как слово повествующее и повествуемое одновременно. То же можно сказать и о слове повествователя сказки, которое, если рассматривать его в контексте авторского предисловия об использовании сказового гекзаметра в бытовой поэзии, прочитывается как слово изображающее и изображаемое одновременно. Эта структурная симметрия раскрывает близость точек зрения рассказчика, повествователя и автора в сказке «Красный карбункул», формирует единую систему ценностей, основанную на признании внутренней свободы человека и ответственности за совершаемый им выбор.

В том же номере трудов Общества, где была напечатана сказка Жуковского, были опубликованы такие произведения, как «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» («Утихла брань племен; в пределах отдаленных») [9, с. 25-28] А.С. Пушкина, «Песнь Деворы и Варака» [9, с. 29-41] Мерзлякова, представляющая собой стихотворное переложение 1-31 стихов из пятой главы Книги Судей; басня «Доведь» [9, с. 80] Вяземского; басни «Волк больной и лисица» [9, с. 83-84], «Богач и бедняк» [9, с. 86],

«Молодая вдова» [9, с. 86-88] В.Л. Пушкина и др.

В письме к Вяземскому от конца сентября 1817 г. Жуковский сообщает о своем скором приезде из Петербурга в Москву и отправляет ему второй перевод из Гебеля – идиллию «Овсяный кисель». Поэт сообщает: «Я буду в Москве около *десятого октября*. <...> Посылаю тебе *Кисель*» [4, XV, с. 548]. «Овсяный кисель» был прочитан на заседании ОЛРС 29 ноября 1817 г. и опубликован в 1818 г. «Овсяный кисель» является переводом стихотворения «Das Haberbus» Гебеля. Идиллия была переведена поэтом в период с сентября до начала ноября 1816 г. и напечатана в 1818 г. одновременно в трех изданиях: в журнале «Fur Wenige. Для немногих» (1818. № 2), в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1818. Ч. X) и в журнале «Сын отечества» (1818. № 11).

Оценивая в целом творчество Гебеля, его новаторство в жанре идиллии и свои переводческие стратегии, Жуковский в письме к А.И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. отмечает: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пиесу под титулом «Овсяный кисель». <...> это перевод из Гебеля <...> Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» [4, XV, с. 499]. В процессе работы над этой идиллией поэт, вслед за Гебелем, сумел «передать характерную для народной концепции мира патриархальность, соотносимость жизни людей и жизни природы, осознание их органического единства». В ней произошло осмысление «символического образа бытия: в обыкновенном и будничном открывалась поэзия жизни» [1, с. 454].

В идиллии «Овсяный кисель» мотив еды, вкушения пищи получает и реальный, и символический, и сакральный смысл. Событие, описывающее быт деревенской семьи, через историю овсяного зерна от его посева до созревания «размыкает» границы природного календарного времени и сливается со временем

сакральным. Словесными центрами воссоединения этих двух миров выступают повторяющиеся обращения бабушки к внукам: «Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй». Благодать Божия, которая становится, по словам поэта, «всеоживляющим чувством», пронизывает не только видимые и невидимые миры, каждого человека, но и «тленную былинку». Ср.:

В поле отец посеял овес и весной заскородил.

Вот Господь Бог сказал: поди домой, не заботься;

Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет. [4, II, с. 34, 35].

Символический план данного произведения связан с семантикой зерна и с присутствием особого «вегетативного» кода. Здесь зерно как самый общий и глубокий из всех растительных символов передает идею непрерывности развития жизни и плодородия [5, с. 369]. Как отмечает современный исследователь, «история растущего колоса как бы фокусирует возможные интерпретации стихотворения» [3, с. 60]. Используя герменевтический подход, идиллию «Овсяный кисель» можно осмыслить в различных контекстах: социальных, исторических, эстетических, религиозных. Так, например, «в эстетическом плане «Овсяный кисель» представляет собой автометаописательное стихотворение: оно о том, как творится, вырастает и преподносится читателям новая поэтическая форма. Образ овсяного киселя может быть истолкован здесь как метафора поэтического слова» [3, с. 61]. На религиозно-символическом уровне прочтения «растущий колос – это и слово Божие, которое проникает в души детей, и Царство Божие, которое наследуют, по словам Христа, дети, и душа человека, созревающая для смерти-жизни и другой жизни» [3, с. 66].

В этом смысле «Овсяный кисель» созвучен таким произведениям, опубликованным на страницах данного сборника, как «Песнь Моисея, пред его кончиною, к собранному Израиллю» [10, с. 5-14] Мерз-

лякова, являющаяся стихотворным переложением 1-44 стихов 32 главы из книги Второзаконие; «Подражание псалму 32» [10, с. 15-19] Н.М. Шатрова; отрывок из «Илиады». Поединок Париды и Менелая [10, с. 20-41] Гнедича; отрывок из поэмы «Искусства и наука» [10, с. 54-57] Воейкова, «Безверие» [10, с. 58-61] и «Гробница Анакреона» [10, с. 78-80] А.С. Пушкина, «Утешение добродетели» [10, с. 71-72] и «Гимн красоте» [10, с. 73-74] Шаликова, «Подражание Горацию» [10, с. 75-76], басни «Попугай» [10, с. 87-88], «Гнев Зевеса» [10, с. 89-90] и восточная сказка «Кабуд-путешественник» [10, с. 96-106] В.Л. Пушкина и др.

В этом же сборнике в разделе «Стихотворения» было опубликовано послание Жуковского «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Александре Федоровне на рождение В. Кн. Александра Николаевича». Послание написано в связи с рождением 17 апреля 1818 г. великого князя, впоследствии императора Александра II. Откликом на это событие и стало данное стихотворение, которое создавалось в период с 17 по 20 апреля.

Стихотворение начинается с психологического описания души матери, услышавшей «милый первый крик» новорожденного. Далее центром изображения оказывается «священная младенца колыбель», которая мысленно возникает под «животворящим взглядом» лирического героя и воспринимается как «божественный спасения залог» «воскреснувшей Москвы» и всей России. Затем образ царственного младенца соотносится в сознании лирического героя с героической историей России, с именами Дмитрия Донского, князя Пожарского, Михаила Романова, Петра I, Екатерины II, с событиями недавнего прошлого – Отечественной войной 1812 г. Так раскрываются принципы романтического историзма автора, пропущенные сквозь рефлексию лирического героя. И завершается послание вновь обращением к обра-

зу матери-великой княгини, воспитательницы души сына. Ср.:

Теперь, едва проснувшись душой,
Пред матерью, как будто пред Судьбой,
Беспечно он играет в колыбели <...>
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь – всевидящее око;
В твоей любви – святая благодать
[4, II, с. 98].

Архетип матери и младенца, лежащий в основе данного послания, актуализирует семантику святости и мессианского предназначения ребенка. Отсюда закономерно, что в конце произведения лирический герой как будто провидит будущую высокую судьбу новорожденного и предлагает ему соответствующую «программу» деятельности. Ср.:

Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек
[4, II, с. 97-98].

Религиозно-философская проблематика этого послания перекликается с такими произведениями, опубликованными в данном выпуске, как «Глас Божий в громе. Псалом 28. Подражание» [10, с. 10-13] Мерзлякова; подражание 14 [10, с. 14-16] и 81 [10, с. 17-21] псалмам Н.М. Шатрова, «Описание страшного зноя» [10, с. 22-33] из XIII песни «Освобожденного Иерусалима» без указания имени автора; «Пир» [10, с. 63-65] Шаликова, народная сказка «Бедность и труд» [10, с. 78-85] Ф.Н. Глинки и др.

Итак, можно сказать, что активное участие поэта в деятельности ОЛРС пришлось на 1816 по 1818 гг. В частности, о присутствии Жуковского 18 мая 1818 г. на собрании Общества говорится в записке к К.Я. Булгакову от 17 мая 1818 г.

Поэт уточняет: «К Пушкиным завтра на вечер мне нельзя. И вот тому причина в печатном документе: завтра собрание той Бесиады, которой я член» [4, XVII, с. 18]. В письме упоминаются писатель и переводчик Алексей Михайлович Пушкин и его жена Елена Григорьевна, с которыми Жуковский был в дружеских отношениях. Шутливое же название Общества «Бесиада» представляет собой, как известно, аллюзию на петербургское литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811-1816).

Как следует из проанализированного материала, ОЛРС не оказало заметного влияния на творчество поэта. Практически в это же время он активно участвует в другом литературном объединении – «Арзамасское общество безвестных людей» (1815-1818). В арзамасской смеховой атмосфере и в его серьезных проектах, в его творческих замыслах, в реформаторских общественно-политических деяниях и в поведенческом тексте его участников «Арзамас выступил как катализатор новой культуры. В его деятельности было заложено будущее. Ведь не случайно молодой Пушкин – дитя «Арзамаса» и его высшее оправдание [13, с. 38-39]. Использование Жуковским сказового гекзаметра в переводах из Гебеля, опубликованных в трудах Общества, шутливого гекзаметра в арзамасских протоколах раскрывали прежде всего эволюцию его жанровой системы: движение от лирики (элегия, песня) и малых лиро-эпических форм (баллада, послание, идиллия) к большим эпическим формам (поэма, стихотворная повесть, быль), формировали особенности его нарративных и переводческих стратегий в период 1810-1830-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзикова И.А. «Овсяный кисель». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 452-457.

2. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XIX века. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016. 468 с.
3. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, Языки славянских культур, 1999-2019. Т. IV. 638 с.
5. Мифы народов мира: в 2 т. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1997. С. 369-371.
6. Поплавская И.А. «Красный карбункул». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 401-404.
7. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1812. Ч. I. 204 с.
8. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Летописи общества. Год II. М.: В университетской типографии, 1817. Ч. VIII. 245 с.
9. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1817. Ч. IX. 224 с.
10. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1818. Ч. X. 211 с.
11. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. 346 с.
12. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.
13. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2015. 752 с.
14. Общество любителей русской словесности // Официальный сайт. URL: <http://olrs.ru/>.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ajzikova I.A. «Ovsjanyj kisel'». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T.2. M.: Jazyki russskoj kul'tury, 2000. S. 452-457.
2. Anisimova E.E. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v receptivnom soznanii russskoj literatury pervoj poloviny XIX veka. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj un-t, 2016. 468 s.
3. Vinickij I.Ju. Dom tolkovatelja: Pojeticheskaja semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 328 s.
4. Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. M.: Jazyki russskoj kul'tury, Jazyki slavjanskih kul'tur, 1999-2019. T. IV. 638 s.
5. Mify narodov mira: v 2 t. M.: «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1997. S. 369-371.
6. Poplavskaja I.A. «Krasnyj karbunkul». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T. 4. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. S. 401-404.
7. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1812. Ch. I. 204 s.
8. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Letopisi obshhestva. God II. M.: V universitetskoj tipografii, 1817. Ch. VIII. 245 s.
9. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1817. Ch. III. 224 s.
10. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1818. Ch. H. 211 s.
11. Slovar' chlenov Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Moskovskom universitete. M.: Pечатnja A. Snegirevoj, 1911. 346 s.
12. Janushkevich A.S. V mire Zhukovskogo. M.: Nauka, 2006. 524 s.

-
13. Janushkevich A.S. Istorija russoj literatury pervoj treti XIX veka: uchebnoe posobie. M.: Flinta, Nauka, 2015. 752 s.
 14. Obshhestvo ljubitelej russoj slovesnosti // Oficial'nyj sajt. URL: <http://olrs.ru/>.

Поступила в редакцию 14.10.2020.

Принята к публикации 18.10.2020.

Для цитирования:

Поплавская И.А. Жуковский и Общество любителей российской словесности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 125-132. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/PoplavskayaJ.pdf>